
Ари
ДАЛЕ
После
ПРЕДАТЕЛЬСТВА
Только
дыши!

Ари Дале

После предательства. Только дыши!

https://litres.ru/74791114

Аннотация

— Аврора, что ты здесь делаешь? Ты же должна быть в больнице, — строгий голос Юры врывается в мой шокированный разум.

— Меня… кхм… выписали, — голос сипит, горло дерет. — Я хотела сделать вам с детьми сюрприз, договорилась с врачами, чтобы меня отпустили. Дома ведь и стены лечат... — не могу отвести взгляда от блондинки, сидящей на коленях моего мужа в его рубашке. — Кто это?

— Это? Раиса, — произносит, как само собой разумеющееся. — А ты должна была оставаться в больнице. Тебе последнего приступа не хватило? Хочешь повторения? — черты лица Юры заостряются.

— И кто она тебе? — намеренно игнорирую его причитания.

— Она моя…

— Девушка, — отвечает за мужа его любовница.

Кажется, мое сердце не выдержит такой новости...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Познакомимся с героями?	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	40
Посмотрим на любовницу?	46
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	58
Глава 13	64
Глава 14	68
Глава 15	71
Глава 16	75
Глава 17	80
Глава 18	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1

— Милый, как насчет шампанского?! — елейный женский голосок разносится по большому пространству гостиной.

Освещение приглушенно. Горит лишь небольшой торшер в углу комнаты. И немного света просачивается через панорамные окна. Но этого оказывается достаточно, чтобы разглядеть блондинку в белой явно мужской рубашке на кухне, соединенной с гостиной.

Девушка подхватывает бутылку шампанского за горлышко, за ножки — бокалы и, виляя бедрами, шлепая босыми стопами по паркету, направляется через всю гостиную к дивану, на котором развалился никто иной, как мой муж.

Даже в полутьме замечаю, что темные волосы Юры влажные, а по его обнаженным плечам стекают капли. Остальное тело мужа скрывает спинка дивана. Вижу лишь выточенные черты профиля мужа. А вот глаза… бесстыжие глаза остаются от меня скрыты. Это радует, ведь Юра меня тоже не видит. Он смотрит прямо перед собой на выключенный телевизор, а я притаилась сбоку от двери, и меня скрывает тьма коридора.

Из памяти словно стирается тот момент, как я попала в свою квартиру. Как шла по этому самому коридору, тоже не помню.

Такое чувство, будто у меня больше нет прошлого, есть только этот самый момент… момент, в котором я застала мужа в нашей квартире с… любовницей.

Перед глазами вспыхивают двадцать лет совместной жизни, но они тут же гаснут, когда я замечаю, как блондинка огибает бежевый, недавно купленный диван. Мы же его выбирали вместе с мужем. Конечно, мне пришлось постараться, чтобы вытащить Юру из магазина. Но рабочие вопросы мужа не оставили даже в мебельном. Юра весь вечер висел на телефоне, в то время как я заваливала вопросами консультанта о разных моделях. При этом не забывала коситься на «супер делового человека», который по идее должен был мне помогать. Но почему-то очень профессионально меня игнорировал. Видимо, за последнее время отточил этот навык до совершенства. В итоге инертность мужа взбесила меня до безумия, и я психанула, бросив ему что-то вроде «Можешь идти, раз так занят».

В какой-то момент мне показалось, что Юра сросся с телефоном. Но нет. Не прошло и пары секунд, как муж тяжело вздохнул, попрощался с собеседником и отклонил вызов. Вот только настроение уже было испорчено, и флюиды недовольства, исходящие от мужа, никак его не поднимали. В результате мы купили первый попавшийся диван, который подходил под светлый интерьер гостиной. Наверное, поэтому мне сейчас не так обидно, что он… загажен.

Да, именно так. Загажен!

Ведь я наблюдаю удивительную картину — блондинка ставит бокалы на стеклянный журнальный столик. Наклоняется так, чтобы Юре… и мне были видны ее подтянутые ягодицы, на которых виднеется красное кружево. Долго… слишком долго разливает шампанское, а потом медленно выпрямляется и поворачивается к Юре.

— Держи, — протягивает моему мужу бокал.

Юра какое-то время просто смотрит на девушку, после чего тяжело вздыхает и, немного отрываясь от спинки, забирает у своей любовницы шампанское. Не проходит и мгновения, как девушка снова вдавливает Юру в диван, а сама забирается на него сверху.

Задерживаю дыхание.

Надежда, что муж сейчас спихнет девку со своих ног, все еще теплится в груди, но тут же превращается в отравляющий душу яд, когда Юра хрипло произносит:

— Что празднуем?

Довольная ухмылка растягивается на слишком пухлых девичьих губах, к которым блондинка подносит бокал и делает большой глоток. Благоговейно мычит. Глотает. Медленно сокращает расстояние между собой и лицом моего мужа.

— Что ты теперь мой… наконец-то, — с придыханием произносит она и впивается в губы моего мужа жадным поцелуем.

Больничная сумка выскальзывает из моих пальцев.

Глава 2

Жуткий грохот разрывает тишину комнаты, отрывая любовников от их занятия. Меня пронзают сразу две пары глаз. Одни удивленные, вторые наполненные отвращением. Не сразу понимаю, где какие — ведь обе голубые.

«Как и мои», — проносится в голове.

Радует только то, что я не блондинка, а брюнетка. И не в рубашке, а в черном спортивном костюме — единственной более-менее нормальной одежде, которая была у меня с собой. Иначе то, что подумала бы, что муж решил найти мне замену… только помоложе. Прилично моложе. Интересно, ей хотя бы лет двадцать есть? Или…?

— Аврора, что ты здесь делаешь? Ты же должна быть в больнице, — строгий голос Юры врывается в мой разум.

Заполненный шоком мозг не сразу понимает, что вопрос обращен к нему.

Уходит несколько долгих мгновений на то, чтобы он сообразил и выдал более-менее нормальный ответ:

— Меня… кхм… выписали, — голос сипит, горло дерет.

Тяжело сглатываю в попытке его смочить, но не помогает. На шею словно удавку накинули, которая все затягивается и затягивается. Дышать становится с каждой секундой труднее и труднее.

— Не должны же были, — Юра подозрительно сужает гла-

за, словно не верит мне. Несколько секунд просто сидит и смотрит на меня. Кажется, о чужой девке, устроившейся у него на коленях, совсем забывает. Зато мне не удается забыть. Эта дрянь смотрит на меня с таким презрением, что на секунду кажется, будто любовница я, а не она. — Рора, только не говори, что ты раньше срока выписалась из больницы! — чуть ли не рычит Юра.

Дергается, явно собираясь встать. Но утяжелитель в виде полуобнаженной бабы у него на коленях ой как мешает.

Муж быстро поворачивается к своей любовнице, без труда стаскивает ее со своих ног, пересаживая на диван, после чего поднимается на ноги и направляется ко мне.

Наконец вижу Юру в полной «красе», так сказать. На нем нет ничего, кроме серых пижамных штанов, которые свисают на бедрах, открывая вид на жесткий пресс и острые тазовые кости. Удивительно, но несмотря на свои сорок с хвостиком лет, Юра выглядит хорошо. Очень хорошо. Тело и здоровье его не подводят, в отличие от моих. Хотя я младше мужа на пять лет, но все равно чувствую себя так, словно рассыпалась на части. А сегодня мой дорогой муж, похоже, решил сделать мне «сюрприз», который разрывает еще и мою душу на клочья.

— Я хотела сделать сюрприз, — едва сдерживаю смешок от абсурда ситуации. Мой-то сюрприз был организован намеренно, а вот у мужа он получился случайно. — С врачами договорилась. Мне жутко надоела больничная жуткая атмо-

сфера, а дома и стены лечат. Я обещала Владиславу Павловичу, что у меня не будет потрясений… — бормочу себе под нос, чувствуя, как наваждение постепенно сходит на нет. — И уж точно не ожидала «сюрприза» от тебя, — горло сдавливает, но я продолжаю смотреть на мужа, который остановился в шаге от меня. — Это кто, Юра? — указываю подбородком на блондинку, которая тоже поднялась с дивана, но далеко от него уйти не решилась. Не хочет вмешиваться в разборки мужа и жены? Либо чувствует себя в большей безопасности, когда между мной и ею есть преграда?

— Это? Раиса, — произносит муж как само собой разумеющееся. — А ты должна была оставаться в больнице. Тебе последнего приступа не хватило? Хочешь повторения? — черты лица Юры заостряются.

— И кто она тебе? — намеренно игнорирую его причитания.

— Она моя…

— Девушка, — отвечает за мужа его любовница. — Или, может быть, уже невеста? — с надеждой смотрит на затылок моего мужа блондинка.

Познакомимся с героями?

Булатов Юрий Дмитриевич, 46 лет

Юра — владелец инвестиционного фонда.

Юра родился в семье советского инженера и учительницы, но его отец рано умер, оставив семью в трудном положении. Мать работала на двух работах, и Юра с детства понял: деньги — это власть и безопасность. В школе он выделялся не столько успехами в учебе, сколько жестким характером — мог дать сдачи старшим, умел договариваться и даже организовывал мелкие "бизнесы" (продавал жвачки, потом — списанные учебники).

После школы поступил на экономический факультет, но учился без интереса — его больше занимали реальные деньги. На втором курсе собрал команду, которая помогала студентам с дипломами и курсовыми (не всегда легально). Потом вложил первые накопления в валютный обменник в лихие девяностые. Первый серьезный капитал заработал на кризисе 1998 года — купил доллары по дешевке перед дефолтом.

С Ророй они встретились на пресс-конференции.

Юра только что совершил дерзкий захват чужого предприятия — и теперь дает первую пресс-конференцию. В зале — скучающие журналисты, готовые перепечатать его офи-

циальные тезисы.

И она.

Булатова Аврора "Рора" Васильевна, 41 год

Аврора — журналистка.

Отец Авроры учитель литературы, а мать — библиотекарь. Жили скромно, но в доме всегда были книги. Рора с детства была болезненной девочкой, поэтому ей приходилось много времени проводить дома. Она вела дневник, сочиняла истории. Мечтала стать журналисткой — "как те смелые женщины из книг, которые меняют мир". И в итоге, ее мечта осуществилась. На факультет журналистики она поступила вопреки советам родителей, ведь "это слишком стресс!". С тех пор их отношения были натянутыми. Поэтому девушка решила, что все равно ничего не исправишь, и выбрала специализацию "расследовательская журналистика". И это оказалось самым правильным выбором девушки в жизни, а еще ее страстью начиная с университета, где она писала о коррупции в вузе, вот только материал "случайно" удалили. Но это девушку не остановило, наоборот, скорее, раззадорило. И она устроилась на работу в местную газету и написала серию статей о финансовых махинациях в провинции, что вызвало большой резонанс, и ее заметили в столичном СМИ.

Переезд в Москву стал для девушки роковым, ведь первым ее делом стал — рейдерский захват предприятия, а расследование ее привело к Юре.

Сидя на конференции, где ему задавали стандартные вопросы, она готовилась его разоблачить.

Ладони стали влажными, сердце гулко стучало в груди. Но девушка все равно подняла руку. Он заметил и кивнул. Она встала и спросила:

— Господин Булатов, ваши конкуренты утверждают, что вы использовали шантаж. Как вы это прокомментируете?

Именно с этой фразы началась история Юрия и Авроры, а что было дальше узнаем из книги.

Девочки, а хотите увидеть любовницу?

P.S. Кстати, у меня тут вас ждет еще одна написанная глава. Давайте наберем 200 отметок "мне нравится", и я ее выложу. Как вы на это смотрите?

P.P.S. Если что, вот инструкция, как поставить отметку ##

Глава 3

Невеста? Какая к черту невеста? При живой-то жене! Пока еще точно живой…

Перевожу потрясенный взгляд с Раисы на Юру и вопрошающе смотрю на мужа. Уверена, в моих глазах читается: «Объясни». И Юра видит это немое послание, поэтому тяжело вздыхает.

— Давай остановимся на девушке, — как ни в чем не бывало заявляет муж, непонятно к кому именно обращаясь.

Я же чувствую себя так, словно меня тяжелым мешком по голове ударили. В грудь словно кинжал втыкают, насколько сильная резь пронзает и без того потрепанное сердце. Перед глазами мутнеет.

Покачиваюсь.

Хватаюсь за дверной косяк, боясь, что в какой-то момент тело меня все-таки подведет. Сердце с такой скоростью разгоняется, что становится страшно… жутко страшно.

Но сейчас не то время, когда можно продемонстрировать свою слабость. Я должна оставаться сильной. Должна. Хотя ужасно жалею, что покинула больничную палату, желая провести как можно больше времени со своей семьей. Лучше бы я осталась в четырех стенах, которые давили на меня с такой силой, что выть хотелось.

— А девушка знает, что у этого мужчины есть жена? —

обращаюсь к Раисе, которая снова притаилась за спиной моего мужа, который, похоже, ни капли стыда не испытывает за то, что, пока я была в больнице, развлекался у нас дома с какой-то бабой.

Может быть, у его любовницы хотя бы совесть проснется…?

— Конечно, — фривольно складывает руки на груди, поднимая прикрытые лишь тонкой тканью мужской рубашки «девочек». Все-таки я зря надеялась. Совести у этой девушки, видимо, нет и не было. — И то, что у него дети есть, тоже знаю. Я с Ликой уже знакома, хорошая девочка. Мы с ней договорились по магазинам пройтись на выходных. Олю я еще не видела, она в школе задержалась. Но очень надеюсь, что в скором времени смогу с ней познакомиться.

С каждой секундой слова девушки звучат все глуше и глуше. Под конец я ее почти не слышу, чувствуя, как дыхание застревает где-то в районе горла, а уши закладывает.

В груди щемит. И я очень надеюсь, что это просто реакция на происходящее, а не очередной приступ, который я могу и не пережить. Но сейчас мое здоровье уходит на задний план, ведь в голове звоном колоколов отдается другой вопрос.

— Где они? Где мои дети?! — кажется, что кричу, а на деле оказывается, что чуть ли не шепчу.

Хватаю ртом воздух в попытке насытить тело кислородом и хоть немного успокоиться, но это плохо помогает. Голова кружится. Сердце заходится в груди.

— Рора, что с тобой? — муж тут оказывается рядом, видимо, замечая, в каком состоянии я нахожусь.

Он протягивает ко мне руки. Скорее всего, хочет схватить меня за плечи, но я дергаюсь назад и впериваю в него хоть расплывчатый, но при этом наполненный отвращением взгляд:

— Не трогай меня! — зло выплевываю. — Где дети?

— Рор… — все-таки хватает меня за плечи.

— Где?! — делаю шаг назад, чтобы избавиться от прикосновения изменщика. Точнее, пытаюсь, потому что покачиваюсь и снова хватаюсь за косяк.

— У твоей матери, — рявкает муж.

— Мы сегодня хотели побыть только вдвоем… — голос любовницы звучит словно издалека.

— Успокойся, — сильнее стискивает пальцы, когда понимает, что я кое-как нахожу в себе силы, чтобы продолжить вырываться.

Хотя должна признать, попытки освободиться, убраться от мужа оказываются какими-то вялыми.

Эмоции с ужасной силой захлестывают меня, а сердце все быстрее и быстрее стучит.

Одно накладывается на другое — измена мужа, его обжигающее кожу через ткань кофты прикосновение, тревога за детей, которая сменяется молниеносным облегчением. Поэтому неудивительно, что эмоциональная встряска ничем хорошим не заканчивается для моего многострадально-

го сердца. Силы стремительно покидают меня, мышцы слабеют, перед глазами темнеет. Не сомневаюсь, я бы грохнулась на пол, если бы сильные руки не обернулись вокруг моей талии. Последнее, что я слышу, — отчаянный рев моего мужа, который в моей голове звучит словно шепот:

— Твою мать, Рора! Вот кто просил тебя возвращаться раньше времени?

Глава 4

— Вы же обещали мне не волноваться, — журит меня доктор, глядя на монитор, на котором видно, как бьется мое сердце.

Антон Викторович для своих почти шестидесяти лет выглядит вполне прилично. Если бы не отчетливая седина, занимающая почти всю его шикарную когда-то темную шевелюру, я бы в жизни не дала ему больше сорока. Подтянутое тело, широкие плечи и будто бы проникающий в душу строгий взгляд делают свое дело. А белый халат и очки добавляют ему еще больше солидности.

Периодически у меня невольно проскальзывают мысли по типу: «Если бы я не была замужем…» и «Если бы он не был моим врачом…». Раньше мне за них было стыдно, но сегодня хочется сделать что-то такое эдакое. Особенно учитывая, что Юра стоит с другой стороны от кровати и подпирает собой стену. При этом сверлит настолько неодобрительным взглядом моего врача, что мне злорадно смеяться хочется.

Я, конечно, всегда знала, что мужу не нравится Антон Викторович, но считала, что у него просто взыграло мужское эго и он ревнует. Но после сцены, которую застала сегодня, стало понятно, что дело в чем-то другом. Ведь ревновать меня Юра никак не может. Не после того, как завел себе… девушку.

Яростная волна проносится по телу. Сцена на диване, которую мне довелось лицезреть, встает перед глазами. Сердцебиение разгоняется, глаза Антона Викторовича подозрительно сужаются.

Он бросает на меня внимательный взгляд, а у меня щеки начинают гореть.

Черт!

Глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю.

Ну вот какого хрена мой муженек поперся со мной в больницу? Скорую бы просто вызвал, что он в принципе и сделал, а потом пошел бы обратно развлекаться со своей новой девушкой.

Так…

Хватит думать о Юре, а то совсем скоро сгорю от стыда перед доктором, который пытается выяснить, насколько серьезным был мой приступ и ухудшилось ли мое состояние.

— Я не планировала волноваться, — чтобы хоть как-то отвлечься, вспоминаю, о чем последнем мы говорили с врачом.

— Не планировали, значит, — тянет Антон Викторович, в последний раз проводя датчиком по моей груди, которую пришлось оголить, и что-то нажимая на клавиатуре. — А что же вас так взволновало? — вроде бы спокойно спрашивает доктор. Но что-то в его тоне меня напрягает. Что ли подозрительные нотки? — Надеюсь, что-то хорошее? — убирает датчик от моей груди и передает мне салфетку, которой я

вытираю оставшийся гель.

— Не совсем, — не нахожу сил соврать.

Даже не глядя на Юру, уверена, что он стискивает челюсти чуть ли не до скрипа зубов.

— Что ж… больше вы у меня из больницы в ближайшее время не выйдете, — заявляет доктор, откладывая датчик и поднимаясь на ноги.

— Все так плохо? — спрашивает муж, и я тут же вздрагиваю от звука его голоса.

Моя реакция, конечно, не скрывается от Антона Викторовича, и он хмурится. Тактично ни о чем не спрашивает, но к каким-то выводам приходит, судя по его ответу:

— Ну уж точно нехорошо, — слишком уже неприязненно звучит его голос. Но не проходит и мгновения, как Антон Викторович берет себя в руки и уже гораздо более профессионально добавляет:

— Мы проведем еще несколько анализов, и только после этого я смогу сделать какие-то выводы. А пока не увижу всю картину последствий вашего недолгого пребывания дома, вы, Аврора Васильевна, останетесь здесь и точка. Надеюсь, я ясно выражаюсь? — выгибает бровь.

Щеки вовсю полыхают, стоит вспомнить, как я упрашивала Антона Викторовича отпустить меня домой. Какие только аргументы не приводила, как только не умоляла. В итоге мужчине ничего не оставалось, кроме как сдаться под моим напором и отпустить меня под мою же ответственность. При

этом доктор строго настрого наказал мне не волноваться и испытывать лишь положительные эмоции, а в итоге вон как получилось.

— Да, ясно, — отвожу взгляд к окну, параллельно натягиваю на грудь одеяло. Господи, ничего более смущающего я в последнее время не испытывала. Еще и этот осмотр, который я ненавижу.

— Вот и отлично. — Мне кажется, или уголки губ мужчины дергаются? Жаль, что я на доктора в этот момент не смотрела, а когда поворачиваю голову обратно к нему, то вижу его таким же серьезным, как всегда. — Сейчас я вас оставлю, но скоро придет медсестра, чтобы взять у вас анализы и отвести на дополнительное обследование. Поэтому готовьтесь. И не волнуйтесь, — последнюю фразу он говорит вроде бы мне, но при этом смотрит на моего мужа. Долго смотрит. Слишком долго.

Неужели врач понял, что это Юра меня довел до приступа? Жаль, что Антон Викторович выгнать моего мужа не может, ведь больница, в которой я лежу, частная. И мой дорогой муж — один из его спонсоров. Стоит Юре набрать главного врача, как у моего доктора появляются проблемы. Я это прекрасно понимаю, поэтому ничего не говорю уходящему Антону Викторовичу, хотя очень хочется попросить убрать мужа из моей палаты. Находиться с ним рядом невыносимо. Особенно наедине. Жаль, что это неминуемо. Ведь в скором времени дверь в палату закрывается с тихим щелчком, а в

комнате воцаряется тишина. Ненадолго.

— Убирайся, — цежу я, стараясь размеренно дышать. Не хватало еще из-за разборок с мужем очередной приступ схлопотать.

— Рора… — Краем глаза замечаю, как муж отталкивается от стены и направляется ко мне.

— Чтобы ты ни хотел сказать, оставь это при себе. И сейчас же покинь мою палату, — произношу насколько холодно, как только могу.

— Я твой муж, и никуда не уйду, — рявкает Юра так неожиданно, что я вздрагиваю. Снова.

— Ой да ладно? — сарказм так и льется из меня, когда я перевожу полный презрения взгляд на стоящего рядом мужа. — Ты вспомнил, что женат? А когда трахал другую бабу в нашей квартире, пока я была в больнице, об этом не думал?

— Не называй Раису бабой, — будто бы на автомате парирует муж.

— Ой простите, — взмахиваю руками, — я забыла, что она твоя девушка! — выплевываю последнее слово. — Но сути это не меняет. Как ты мог, Юра, завести девушку при живой-то жене? Как?! — почти кричу, чувствуя, как мое сердце начинает разгоняться. Черт!

Нужно успокоиться и срочно!

Но как это сделать, когда муж зло заявляет:

— А что я должен был делать? Ждать, пока ты умрешь, а я останусь один с детьми?

Глава 5

Мой рот сам по себе приоткрывается.

Такого объяснения я точно не ждала.

У моего дорогого муженька что ли вообще крыша съехала?

— Я вообще-то жива, — голос сипит.

Горло сжалось до максимума. Кажется, на него удавку накинули и стиснули с такой силой, что даже дышать становится трудно.

— Разве это жизнь? — муж обводит взглядом комнату с четырьмя стенами, в которой я провела последние полгода своей жизни. Многострадальное сердце больно колет. Муж знает, куда бить, чтобы задеть меня основательно. — Ты в последнее время здесь находишься дольше, чем дома. Мне же нужна нормальная женщина рядом, а нашим детям…

— Не смей! — обрываю мужа на полуслове. Так резко сажусь на кровати, что голова начинает кружиться. Сердце снова разгоняется. Но на этот раз я решаю его проигнорировать, даже не пытаюсь успокоиться. Тараню Юру яростным взглядом и цежу:

— Не смей вмешивать наших детей в свои грязные игры.

Каждая моя клеточка горит от ярости. Злость клокочет в груди в такт сердцебиению. Дыхание сбивается. Перед глазами плывет.

Понимаю, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. После того как я застала мужа с другой женщиной в нашей квартире, не стоит удивляться «продолжению его падения». Но почему же, черт побери, так больно?

Мы же с Юрой так давно вместе. Прошли рука об руку через огонь и воду. Пару раз такое случалось, что мужу приходилось начинать все заново, и я была рядом несмотря ни на что.

Никогда не думала, что выберу себе такого мужчину. Но стоило мне встретиться с Юрой, почувствовать воздействие его харизмы на себе, проникнуться целеустремленностью, все мои принципы и желания полетели к чертям. Ты просто не сможешь устоять, если на тебя обратит внимание такой мужчина. Или как в моем случае… зажмет меня в лифте.

Как сейчас помню злое рычание, слетевшее с губ Юры после пресс-конференции, на которой мы познакомились и на которой я задала не очень удобный вопрос.

— Кто тебя прислал? — рычал тогда еще не муж в мои губы.

И хоть я понимала, что мне нужно бояться, но страха не испытывала. Меня в тот момент словно горячей волной обдало, а коленки начали подгибаться. Как же я ругала себя мысленно, в то время как смотрела в глаза Юре — он же был объектом моего расследования, по моим сведениям незаконно завладел предприятием, провел очень красивый рейдерский захват. И я собиралась вывести его на чистую воду. Но

стоило взглянуть в голубые озера будущего мужа, как поняла, что пропала. Не знаю, что именно на меня повлияло: то ли неприкрытый интерес в его взгляде, то ли энергия, которая волной электричества прокатывалась по моему телу, заставляя дрожать.

Потом нас ждала ночь в номере отеля, где мы просто разговаривали обо всем, и Юра открылся мне как очень умный, эрудированный и при этом гибкий человек. Следом у нас начались отношения, яркие, красивые, приведшие к тому, что у меня на пальце оказалось кольцо. Мы вместе родили двух прекрасных девочек, в которых я души не чаю и для которых… муж ищет новую мать.

Господи, как ужасно это звучит даже в моей голове. Не выдерживаю, опускаюсь обратно на подушки, приобретая полусидячее положение. Отворачиваюсь к окну. Лучше уж смотреть на бушующий за окном ветер, раскачивающий оголенные ветви деревьев, чем в глаза, которые когда-то были наполнены любовью, а сейчас в них остался лишь холод.

— Ты с самого начала знал, что у меня проблемы с сердцем, — бормочу себе под нос, еле сдерживая слезы.

Куда делся мой муж, который клялся любить меня до конца моих дней? Я бы не вышла за него замуж, если бы он не уверял меня, что со всем справится и будет рядом несмотря ни на что.

Да, в последнее время приступы усугубились, сердце с возрастом изнашивается. Но это не значит, что я умру в

ближайшее время и вообще, возможно, смогу прожить долгие-долгие годы, просто нужно больше беречь себя и лечиться. А такие потрясения, как сегодня, не помогают моему состоянию нормализоваться.

— Ты обещал быть рядом… — одинокая слезинка скатывается по щеке.

Стираю ее одним движением, но это никак не помогает справиться с подкатывающими к горлу рыданиями. Кусаю губы, едва дышу, впиваюсь ногтями в ладони. Делаю все, чтобы более-менее сохранять самообладание. Жаль, что сердцебиение контролировать не могу, как и свою реакцию на следующие слова мужа:

— Я рядом. Если ты не заметила, я здесь. Никуда от тебя не делся.

Юра протягивает руку, хочет дотронуться до меня. Но я отшатываюсь от его руки, как от ядовитой змеи. Не хватало еще, чтобы муж меня трогал после… нее.

— Только уже готовишь мне замену… во всех планах. Даже свою любовницу с нашими детьми познакомил, — шиплю словно злобная кошка, снова заглядывая в бесстрастное лицо Юры.

Он что, совсем чувства вины не испытывает за то, что сотворил со мной… с нами?

Похоже, нет.

— Достаточно, — обрывает меня на полуслове, засовывая руки в карманы джинсов. Благо, понял намек и притронуть-

ся ко мне больше не пытается. — Ты вообще не должна была узнать о Раисе. Не так и не в ближайшее время точно. Если бы ты не пришла домой без предупреждения и осталась бы в больнице, ничего не случилось бы. Все осталось бы таким, каким было изначально. И твое состояние не усугубилось бы, — опускает взгляд мне на грудь. На секунду на ней задерживается, а я радуюсь, что хотя бы прикрыта. — Все, о чем тебе сейчас нужно думать, — твое восстановление. Об остальном поговорим, когда тебя выпишут по-настоящему.

— Не поговорим, — срывается с моих губ до того, как я успеваю себя остановить.

— Что ты сказала? — угрожающе сужает глаза муж.

Хочется удариться головой об стену. Вот кто меня за язык тянул? Я же прекрасно знаю своего мужа, и, когда дело касается его, нужно быть хитрее.

— Ничего, — выдыхаю и пытаюсь снова отвернуть голову к окну. Но у меня ничего не получается.

Юра двумя пальцами обхватывает мой подбородок, заставляет смотреть ему в глаза, когда шепчет мне прямо в губы:

— Чтобы ты там себе ни удумала, выбрось это из головы. Если тебе дороги наши дети, твое здоровье и жизнь, в конце концов, надеюсь, ты прислушаешься к здравому смыслу. Кто-кто, а ты должна понимать, что кроме меня о тебе больше некому позаботиться. Не с твоим-то сердцем со мной бодаться, моя дорогая. Боюсь, оно не выдержит такого напора,

— несколько секунд не моргая смотрит на меня, после чего слегка приподнимается и целует меня в лоб. Дергаюсь, словно от удара. Но муж не выпускает подбородок из пальцев и снова заглядывает мне в глаза. — Будь хорошей девочкой и забудь все, что ты сегодня увидела. Твоя главная задача сейчас — отдыхать и лечиться. С Раисой вы пока точно пересекаться не будете, поэтому волноваться о ней тебе не стоит. Поняла меня?

Глава 6

Ледяные мурашки бегают по позвоночнику. Каждую мышцу в теле сводит от напряжения. Мысли становятся все разрозненнее и разрозненнее.

Смотрю в голубые глаза мужа и пытаюсь уложить в голове все сказанное им. Мне же не показалось, и в голосе Юры прозвучала отчетливая угроза?

Нет. Я, конечно, знала, что мой муж может быть беспринципным типом. Но думала, это его качество распространяется только на дела. В личной жизни Юру хоть и сложно назвать плюшевым мишкой, но по отношению ко мне и к детям муж всегда был более… лояльным, что ли. А еще любил нас. Я это чувствовала в каждом его жесте, слове, объятьях.

Многострадальное сердце пропускает удар, когда я вспоминаю, как Юра любил подходить ко мне сзади и просто обнимать. Я же в этот момент просто замирала, наслаждаясь его теплом и чувством защищенности, которое он мне дарил. Мы могли в таком положении стоять целую вечность, а может быть и дольше. При этом оба молчали. Нам после стольких лет, проведенных вместе, больше не нужны были слова. Иногда мне казалось, что мы с Юрой понимаем друг друга без слов. И чувствуем любовь друг к другу даже на расстоянии.

Вот только, глядя сейчас на мужа, раскладывая по полоч-

кам слова, брошенные им мне, я не могу избавиться от ощущения, что не узнаю Юру. Такое чувство, что в нем что-то изменилось… надломилось. Может быть, исчезла маска, которую он все это время носил? Либо же я чего-то не понимаю, и мой муж просто стал другим человеком.

— И каким образом мое здоровье может пострадать, если вдруг я откажусь от твоего «заманчивого» предложения все забыть? — решаю уточнить, хотя на самом деле совсем не хочу этого знать.

Каждое мое слово наполнено ядом, и, похоже, у меня получается его разбрызгать, раз Юра, еще немного протаранив меня нечитаемым взглядом, тяжело вздыхает и отпускает мой подбородок. После чего выпрямляется.

Вот только смотреть мне в глаза продолжает, причем так пристально, словно хочет проникнуть ко мне в голову и попробовать разобраться в том бардаке, в который превратились мои мысли. Но проблема в том, что я сама не разберусь с тем, что творится у меня внутри. Чужому человеку, кем разом стал для меня мой собственный муж, это точно не под силу. И, видимо, Юра тоже это понимает, поэтому снова тяжело вздыхает и заявляет:

— Если ты волнуешься, что окажешься без лечения, то не надо. Чтобы между нами дальше ни произошло, я продолжу его оплачивать. Все-таки мы прожили столько лет вместе, я не могу позволить тебе уйти без борьбы, — делает паузу, которая показывает мне, что что-то не то скрыто под его сло-

вами. Вот только разобраться в том, что именно меня смущает, не удается, а Юра уже продолжает: — Но, Рора, подумай хорошенько своей головой. Тебе в твоей ситуации точно не нужно лишний раз нервничать. Ты же всегда была умной девочкой. Зачем именно сейчас начинать глупить? В тот момент, когда ты сама с тем, что происходит в твоей жизни и с твоим здоровьем, не справишься. Я тебе нужен, и ты должна это, как никогда, понимать.

Смотрю мужу прямо в глаза и не могу поверить, что нечто подобное вылетает из его рта. Большего цинизма я в жизни не слышала.

«Я не собираюсь умирать!» — хочется прокричать, но вместо этого молчу.

А смысл доказывать что-то человеку, который тебя не слышит… который все для тебя уже решил… который больше не верит, что я смогу выкарабкаться, поэтому подготавливает себе запасной аэродром?

Грудь словно тисками обвивает.

Слезы все ближе подбираются к глазам, заставляют взор помутнеть. Мне хочется плакать. Нет, рыдать. Предательство, которое довелось пережить, тяжелым грузом ложится на плечи, давит на них, заставляет что-то внутри сломаться.

Бедное сердце болит так, словно в него кинжал всадили и поворачивают, поворачивают, поворачивают. Моя усугубившаяся аритмия тут совсем не при чем.

Единственное, чего я сейчас хочу, — чтобы меня оста-

вили в покое и позволили попробовать пережить предательство со стороны человека, которого я любила всей своей душой всю осознанную жизнь.

— Уходи, — кое-как выдавливаю из себя сиплое слово.

Вот только даже сквозь расплывчатый взор вижу, что муж не собирается внимать моей просьбе. Он недовольно поджимает губы, сужает глаза. Пару секунд просто смотрит на меня, прежде чем открыть рот и…

Сказать Юре ничего не удается, его прерывает грохот от двери, ударившейся о стену. В палату словно фурия влетает. Я вижу только размытое пятно, прежде чем на меня налетает что-то тяжелое… то есть кто-то.

— Мам, ты как? — в запыхавшихся словах узнаю Лику, свою старшую дочь. Да, это точно она, судя по светлым волосам, которые вуалью легли на мое лицо, пока дочка изо всей силы обнимает меня за шею. — Мне Раиса позвонила. Сказала, что у тебя приступ случился и тебя на скорой в больницу увезли. Я так волновалась. Боялась, что не успею…

Тревога дочери уходит на задний план, когда я слышу имя ставшей ненавистной для меня женщины.

— Раиса? — с силой отстраняю дочку от себя. Заглядываю в ее такие же голубые глаза, как у меня и ее отца, и задаю главный вопрос: — Насколько ты хорошо ее знаешь?

— Очень хорошо. Она же мне с математикой помогает, — как ни в чем не бывало отвечает Лика. — Помнишь, я тебе рассказывала о моей новой учительнице, которая помогает

мне готовиться к экзаменам? Так это она! Мы с ней успели даже подружиться!

***

Девочки, на мою книгу *"(Не) прошу тебя, предатель"* сегодня действует *скидка*! Обязательно заглядывайте, если вдруг не читали https://litnet.com/shrt/lh9o

Глава 7

«Подружиться… подружиться… подружиться», — набатом звенит в голове.

Перевожу ошарашенный взгляд с дочери на почти уже бывшего мужа и не могу поверить в то, что сейчас узнала.

У меня просто-напросто в голове не укладывается тот факт, что Юра мог закрутить роман с учительницей нашей дочери.

«Так вот кого ты мне на замену подобрал», — безмолвно передаю мужу. Не знаю, «слышит» ли он меня, но что-то подсказывает, что все прекрасно понимает, судя по тому, как недовольно сужаются его глаза… — «Это… подло».

Больное сердце раскалывается на части. Мир разбивается на осколки. От моей разваливающейся по частям жизни ничего не остается.

Юра нанес мне настолько сильный удар, что дышать толком не получается.

Боль заполняет тело. Разум застилает красная пелена. Перестаю контролировать себя. Совсем.

— Ты больше не будешь с ней заниматься! — выпаливаю первое, что приходит на ум. Наверное, не нужно было действовать так резко, но я не могу иначе. Не сейчас, когда мой мир разваливается на части прямо на глазах. — И общаться с ней больше не смей! — ярость, которую я всеми силами

сдерживала, клокочет в груди вместе с разогнавшимся сердцебиением.

Где-то на задворках сознания мелькает мысль, что нельзя так остро реагировать на предательство мужа. А то мое сердце действительно может не выдержать. Но я просто не могу заставить себя взять себя в руки. Такое чувство, что тело превратилось в оголенный нерв, по которому топчутся все, кому не лень.

— Что? Почему? — шокированный голос дочери проникает в мой затуманенный гневом мозг и звучит словно издалека.

— У отца спроси, — зло бросаю, чувствуя, что вот-вот сорвусь. И никому после этого хорошо не будет.

— Па-а-ап, — Лика оглядывается через плечо.

Господи, как жалостливо звучит ее голос. Сердце словно ножом режут.

Меня начинает потряхивать. Дыхание спирает в груди. Уши закладывает.

Зато взор прочищается, поэтому я отчетливо вижу неодобрительный взгляд, которым одаривает меня муж.

— Не переживай, — Юра удивительно мягко обращается к дочери, — продолжишь заниматься с Раисой. И с мамой тоже все в порядке — у нее просто случился очередной приступ, Раисе не следовало тебе звонить и пугать тебя. — Мне показалось, или муж скрипит зубами? Жаль, что убедиться в своем предположении не удается, ведь Юра не снимает со

своего лица непроницаемую маску. — А сейчас вернись, пожалуйста, к бабушке. Успокой ее. Уверен, она тоже переживает. Ты на такси приехала?

Лика кивает.

Выглядит дочка при этом максимально растерянной: дышит часто, руки опущены, ладони лежат на коленях.

— А что не так-то с Раисой? — Лика переводит вопросительный взгляд с мужа на меня и обратно.

Открываю рот, чтобы рассказать дочери всю правду о ее любимой учительнице, но даже слова вымолвить не удается — Юра меня опережает:

— Все с ней так, не переживай, — внимательно смотрит на меня, как бы говоря: «только попробуй ляпнуть что-то лишнее». — Просто первое знакомство Раисы с мамой прошло не очень хорошо, — каждое слово произносит отдельно, словно хочет показать мне, какой версии нужно придерживаться.

— Мам, — дочка заглядывает мне в глаза, — не знаю, что между вами с Раисой произошло, но она, правда, очень хорошая. Ты не представляешь, как она мне помогла и продолжает помогать до сих пор. Если бы не Раиса, мне было бы… очень трудно. Ты постоянно в больнице, а Раиса была рядом, когда мне очень нужна была помощь. Постарайся с ней подружиться, пожалуйста. Ради меня, — мольба светится в ее глазах.

Глава 8

Меня буквально колотит от злости.

Еще и я должна с ней подружиться? Серьезно? Никогда!

— Хватит! — обрывает дочку Юра, подхватывает Лику под локоть и с силой стаскивает с кровати. — Маме нужен отдых. Ты знаешь, как тяжело она переносит приступы, — говорит, вытягивая дочку из палаты.

Делает это так стремительно, что никто толком сориентироваться не успевает. Лике только удается бросить мне «пока, мам», прежде чем она оказывается за дверью.

— Напиши мне, как доберешься, — выдает муж, захлопывая дверь прямо перед носом нашей дочери.

Я же наблюдаю за всем происходящим с открытым ртом и не знаю, как это прокомментировать. Все сильнее убеждаюсь, что не знаю собственного мужа. Совсем. Мало того, что он мне изменяет. Так еще и врет нашим дочерям. Даже страшно представить, что почувствует Лика, когда узнает, что ее «любимая учительница» — новая папина подружка. Меня передергивает от одной этой мысли. Такое точно нельзя простить.

— Ты… — завожу я свою тираду, вот только закончить ее не удается.

— Не начинай, — тяжело вздыхает Юра. Прислоняется спиной к стене, прикрывает глаза. Пару секунд спокойно ды-

шит, и только после этого направляется ко мне. — Не переживай, я Лике все сам расскажу, когда придет время. Она поймет.

Напрягаюсь все сильнее с каждым шагом. Удивительно, но сердце не разгоняется. Оно стучит сильно, ровно, умеренно быстро. Наверное, я уже смирилась с происходящим, либо просто закрылась, поэтому выходки мужа меня не трогают.

Я равнодушно наблюдаю за тем, как Юра останавливается рядом со мной… как опускает голову… как заглядывает мне в глаза. Долго… очень долго просто смотрит, словно пытается понять, что у меня на уме. Но вряд ли у него получается докопаться до чего-то более или менее стоящего, я ведь и сама не понимаю, что именно чувствую. Просто жду. Непонятно чего, но жду.

И, видимо, Юра тоже не находит у меня в глазах ничего, за что можно было бы зацепиться, поэтому просто наклоняется и берет мою руку в свою. Я дергаю ее на себя, пытаюсь вырвать пальцы из хватки мужа, но он так сильно стискивает их, что те начинают поднывать.

— Я люблю тебя, Рора, — огорошивает меня муж. — Всегда любил, ты же знаешь, — выделяет голосом последнее слово. — Ради того, что было между нами, просто забудь обо всем. Поверь, так будет лучше для всех. Я же сдержу свое обещание — вы с Раисой не будете пересекаться. А все остальное неважно. Тебе сейчас нужно думать о себе, а я,

как и обещал, буду рядом… до конца.

Вроде бы Юра что-то еще говорит, но я не обращаю внимания на его слова. Просто отворачиваюсь к тому самому окну, в которое смотрела недавно, и отключаюсь. А через несколько минут приходит медсестра и избавляет меня от общества мужа. Процедуры я переношу стоически — все-таки много раз через них проходила. А когда возвращаюсь в палату, в ней никого не оказывается. Лишь на экране моего телефона светится уведомление о непрочитанном сообщении. Нажимаю на него и прохожусь по нему глазами:

«Нужно было срочно уехать, но завтра утром буду у тебя».

Вспышка гнева оказывается настолько неожиданной, что я едва не бросаю гаджет в стену. Но удается вовремя опомниться, ведь спустя пару секунд, как я снова оказываюсь в своей кровати, понимаю, что быть «послушной женой», которая смирится с присутствием другой женщины в жизни моего мужа, точно не собираюсь. И неважно, если Юра прав и мне осталось недолго. Но время, которое мне отведено, я потрачу на борьбу… на борьбу с ним.

Именно поэтому открываю контакты в телефоне и нахожу номер, которым давно не пользовалась. Длинные гудки действуют на нервы, но главное, что не длятся долго. Не проходит и минуты, как я слышу тихое «алло» на том конце вызова.

— Привет. Можно попросить тебя о помощи? — выпаливаю на одном дыхании, чтобы не передумать. — Я хочу раз-

вестись со своим мужем.

Глава 9

Глава 9

— Я так понимаю, твой муж не хочет развода? — Настя сидит на краю моей больничной кровати и машет одной ногой, облаченной в черные брюки. Фиолетовая блузка подруги делает ее похожей на настоящую ведьму, особенно в сочетании с ее темными, как смоль, волосами и зелеными глазами.

Рядом с ней в больничной пижаме и со спутанными волосами, завязанными в растрепанную гульку, я чувствую себя совсем нелепо. Хочется укутаться по горло в одеяло, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Вот только в палате мы с Настей лишь вдвоем. Обход давно закончен. Все процедуры сделаны. Если бы подруга не пришла, мне бы оставалось только ждать результатов анализов и коротать время за просмотром новостей журнала, в котором я работала последнее время.

Я, конечно, больше не веду никаких громких расследований. Моя журналистская карьера пошла под откос, когда проблемы с сердцем усугубились. Но я хочу быть в курсе того, что происходит, не только для того, чтобы просто поддерживать себя в форме, но и снова начать когда-нибудь работать, хотя бы журналистом, освещающим светские мероприятия. Что-что, а назло мужу я собираюсь прожить дол-

гую, полную жизнь. Уходить раньше положенного времени в мои планы не входит. Буду жить припеваючи и, главное, без Юры.

— Мы об этом не говорили, — тяжело вздыхаю и подтягиваю под себя ноги. Сажусь в позу лотоса. — Но, судя по его «чтобы ты там себе ни удумала, выбрось это из головы», — пародирую тон Юры, получается очень даже похоже, поэтому усмехаюсь, но тут же беру себя в руки, — вряд ли он будет доволен таким развитием событий.

— Понимаю, — тяжело вздыхает подруга.

Мы с Настей познакомились на одном мероприятии, на котором собралась чуть ли не вся адвокатская коллегия Москвы и Московской области. Я тогда вела расследование против одного из самых именитых юристов столицы. Считала, что он в сговоре с кем-то из судей, поэтому так часто выигрывает дела. В общем-то, оказалась права. Но после выхода статьи на меня один за другим посыпались иски в суд за клевету. И если бы не Настя, которая пришла мне на помощь, я бы не отмылась. Теперь же мне снова требуется ее помощь, на этот раз в личном деле. Я понимаю, что семейное право — это не совсем специализация подруги. Но, насколько я знаю, она уже помогала в получении развода другой женщине. Тогда все прошло гладко — стороны договорились. Но подозреваю — это не мой случай. Если судить по нашему последнему разговору с Юрой, он просто так меня не отпустит. Только зачем ему «живой труп», понятия не

имею. Но в любом случае буду готовиться к худшему.

— Так, чего ты хочешь? — спрашивает Настя, глядя мне в глаза. Да так пристально, что уверена — стоит мне соврать, подруга сразу же узнает.

— Развода, — говорю первое, что приходит мне в голову.

— Его ты можешь получить и без меня, — заявляет Настя, не моргнув и глазом.

Подруга вертит в руках телефон — и это единственное, что выдает ее встревоженность. В остальном она остается абсолютно спокойной. Меня всегда удивляла способность Насти сохранять внешнее равновесие в любой ситуации. Я, как журналист, по идее, тоже должна обладать этим качеством, но оно мне, к сожалению, не присуще. Зато моя излишняя эмпатичность и эмоциональность не раз помогали мне находить разные запутанные случаи и разоблачать отпетых мошенников. Все потому, что я прислушивалась чуть ли не ко всем людям, которые обращались к нам в журнал за помощью. Истинных жертв я чувствовала за версту. В личной жизни мне это тоже помогало. Но, наверное, мое «чутье» притупилось, раз я не заметила тот момент, когда муж завел отношения на стороне.

— Что ты имеешь в виду? — хмурюсь, действительно не понимая.

— Просто подай на развод, — Настя оглядывается по сторонам. Находит мой телефон на прикроватной тумбочке и протягивает его мне. Осторожно беру его, совсем не пони-

мая, чего именно хочет от меня Настя. — Давай договоримся с твоим врачом, съездим в суд и решим там все вопросы. Конечно, тебя будет ждать бракоразводный процесс. Но, чтобы там ни было, все ваше совместно нажитое имущество разделят поровну. Что касается детей, в основном их оставляют с матерью. Да, девочек, скорее всего, спросят, с кем они хотят жить. Но статистически, узнав о том, что у отца есть женщина на стороне, дети выбирают мать. В общем, проблем быть не должно. Зачем тебе я? — Настя чуть склоняет голову к плечу.

— Я боюсь, — признаюсь, тяжело вздыхая. Сажусь ровнее, но все равно опираюсь на подушки. — Боюсь, что Юра будет ставить палки в колеса. Боюсь, что устроит мне жуткую нервотрепку, а я не смогу этого выдержать, — голос садится. — Боюсь его, — прикрываю глаза.

Последние слова даются мне так легко и одновременно ужасно сложно.

Только сейчас понимаю, что не знаю, чего ждать от мужа. После нашей последней встречи и «общения» в палате я понимаю, что совсем его не узнаю. А что делать с человеком, который сейчас занимает тело Юры, не представляю.

— Ты хочешь, чтобы я оградила тебя от встреч с мужем и обсуждения вашего бракоразводного процесса? — уточняет Настя, а я понимаю, что она попадает в точку.

— Да! — выпаливаю, распахивая веки. — Если это, конечно, возможно.

— Возможно, — подруга пожимает плечами, словно говорит о погоде, а не о чем-то сложном. — Нам с тобой нужно будет оформить доверенность на мое имя. Ты мне расскажешь обо всех условиях, на которых хотела бы получить развод. Раздел имущества, дети, бизнес Юры и так далее. Я займусь всеми нюансами. Единственное, если у меня с ним не получится прийти к мирному урегулированию, вам все равно придется встретиться в суде.

— Хорошо, — выдыхаю.

Я и не заметила, как сильно была напряжена. Только когда мышцы начинают расслабляться и, следовательно, ныть, осознаю, что сидела натянутая словно струна.

— Это все оплачивает твой муж? — Настя обводит взглядом палату.

— Да, — опускаю голову и смотрю на свои сцепленные руки. Костяшки побелели, так сильно я сжимаю пальцы.

— Ты можешь сама позволить лечиться в этой клинике? — Не сомневаюсь, подруга видит, что я немного теряюсь, но напора не сбавляет. — Если нет, то нужно найти что-то попроще до того, как мы подадим заявление. Лучше не давать твоему мужу рычаги давления на тебя. А если да, то давай устроим тебе переезд в другую палату или даже в отделение и, может… охрану наймем. Мало ли, что Юре придет в голову, когда он поймет, что ты его ослушалась.

Как я понимаю, Настя начала уже работать. Она вываливает на меня кучу нюансов, о которых я даже не задумыва-

лась. Поэтому я не знаю, что ей ответить. Но, благо, у меня появляется небольшая передышка, когда телефон подруги начинает вибрировать.

Настя опускает взгляд к экрану, сводит брови к переносице, после чего вскакивает с кровати.

— Я сейчас вернусь, — выпаливает на ходу. — Да, Накулина слушает, — последнее, что я слышу перед тем, как за Настей захлопывается дверь.

Вот только я даже пару раз вздохнуть не успеваю, не говоря уже о том, чтобы собрать мысли воедино, как дверь снова распахивается.

— Что-то ты быстро. Я думала, у тебя рабочий звон… — слова застревают на губах, когда в дверном проеме появляется далеко не Настя.

— Добрый день, Аврора. Простите за то, что пришла без предупреждения. Я просто решила вас проведать. После того, как вы упали в обморок в квартире и вас увезла скорая, я очень волновалась, — мнется на пороге любовница моего мужа.

***

Девочки, у меня сегодня действует *скидка*на книгу *"Развод. Ошибка прошлого".* Кто не читал и кому интересно, обязательно заглядывайте https://litnet.com/shrt/lMgj

Посмотрим на любовницу?

Что ж, давайте познакомимся поближе с нашей любовницей, раз она решила сыграть не последнюю роль в жизни нашей главной героини

Оскольникова Раиса Павловка, 25 лет

Раиса родилась в маленьком городке под Воронежем, где все знали всех, а будущее казалось предопределенным — школа, местный институт, замужество, дети. Но ее мать, учительница литературы, с детства твердила: «Ты должна выбраться отсюда. Любой ценой».

Отец, когда-то перспективный инженер, после развала завода запил и превратился в тень. Раиса с детства ненавидела бедность — ненавидела запах дешевого алкоголя, вечные разговоры о нехватке денег, мамины слезы по ночам.

В школе она быстро поняла: красивые девушки получают больше. Но еще быстрее осознала, что умные красивые девушки получают все.

Мехмат МГУ она выбрала не случайно — там учились дети министров и олигархов. Раиса не просто решала уравнения — она изучала социальные алгоритмы. На первом курсе подружилась с дочерью сенатора, которая ввела ее в круг «золотой» молодежи. На втором — начала подрабатывать репетитором для богатых школьников, беря по 3000 рублей за час. К выпуску уже носила сумку Louis Vuitton (подарок «благодарного» папы ученика) и знала, что ее красота и ум — это инвестиции. После университета она устроилась в элитную школу, где платили 150 тысяч в месяц. Но главное — контакты.

Проработав несколько лет в школе, Раиса быстро поняла, что хочет большего. Тогда на ее пути встретилась Лика — не просто очередная ученица с пробелами в знаниях. Шест-

надцатилетняя дочь влиятельного финансиста несла на себе груз типичных проблем "золотой молодежи": конфликты с одноклассницами, отсутствие мотивации и отдаленный отец, больше занятый бизнесом, чем воспитанием дочери, а вдобавок к девочке была еще и больная мать.

Поэтому ушлая девушка решила сблизиться с Ликой, предложив после очередной проваленной контрольной позаниматься с ней математикой.

Первые занятия проходили тяжело. Лика демонстрировала полное отсутствие интереса к математике, постоянно отвлекалась и делала вид, что предмет ей совершенно не нужен. Но Раиса методично, шаг за шагом, начала выстраивать мост доверия. Она не давила, не требовала мгновенных результатов, а терпеливо объясняла сложные темы, показывая их практическое применение.

Прорыв случился неожиданно. Однажды после особенно продуктивного урока Лика нехотя призналась в проблемах с одноклассницами. Раиса не стала давать пустых утешений, а просто показала, как математическая логика может помочь выстроить стратегию поведения. В тот день между учителем и ученицей установилась незримая связь.

Юрий появился в школе после очередного инцидента с участием Лики. Раиса впервые увидела его в коридоре — высокого, подтянутого мужчину в безупречном костюме, чья осанка и манера держаться без слов говорили о привычке командовать. Их глаза встретились на мгновение, но Раиса сде-

лала вид, что не заметила его, и прошла мимо, держа в руках тетрадь Лики с первой за долгое время хорошей оценкой.

Их официальное знакомство состоялось неделю спустя в кабинете директора. Юрий изучал ее с холодной расчетливостью, свойственной людям его круга. Раиса сохраняла спокойную уверенность, зная, что любая фальшь будет сразу распознана. Короткий разговор ограничился обсуждением успехов Лики и скупой благодарностью Юрия.

Выйдя из кабинета, Раиса позволила себе легкую улыбку. Первый шаг был сделан. Теперь предстояла более сложная игра, где ставки оказались значительно выше, чем просто репетиторство.

Глава 10

Мои глаза широко распахиваются.

Любые слова застревают в горле.

Еще никогда я не чувствовала себя такой ошарашенной, как сейчас.

Даже когда застала мужа с этой самой девушкой, которая сейчас мнется на пороге моей палаты, могла более-менее нормально соображать. Сейчас чувствую себя так, словно из меня высосали все силы. Единственное, что мне удается делать, — смотреть на… Раису, одетую так, словно она на похороны собралась, — в черное платье и шляпку, которой только вуали не хватает, — и попытаться вытащить что-то здравое из сумбура в моей голове.

Не знаю, сколько я просто сижу и хлопаю глазами. Наверное, долго, раз девушка с каждой секундой все больше хмурится. Но в итоге, вместо того чтобы убраться в ту яму, из которой вылезла, заправляет светлые волосы, доходящие ей по плечи, за ухо и делает шаг вперед.

Прихожу в себя мгновенно. Отрываюсь от подушек, сажусь прямо, стреляю глазами в любовницу мужа.

— Пошла вон! — шиплю, словно дикая кошка.

Все мое равновесие, которым удалось «заразиться» от подруги, сходит на нет. Сердцебиение разгоняется до предела. Стук многострадального органа, от которого зависит моя

жизнь, раздается в голове, висках, горле. Я чувствую его даже в кончиках пальцев, которые покалывают в такт. Изо всей силы сжимаю кулаки. Дышу часто, рвано.

Напрягаюсь так, словно от того, смогу ли я вовремя вскочить с кровати, зависит моя жизнь.

Любовница мужа хоть и на секунду запинается, но, похоже, уходить не собирается. Невинное выражение, которое она нацепила на себя, во мгновение ока спадает с ее лица, когда девушка недовольно поджимает губы, но быстро возвращается. Если бы я моргнула, то не увидела бы изменений. Но Раисе не повезло. Я смотрю на нее во все глаза, поэтому вижу любую реакцию, которую она выдает.

Вот только, видимо, девушка не понимает, что ее «поймали» с поличным, поэтому как ни в чем не бывало проходит вглубь палаты. Приблизиться ко мне не решается, замирает посередине пути. Переминается с ноги на ногу, прежде чем выдать:

— Простите, пожалуйста, что побеспокоила…

— Как ты узнала, где я? — прерываю ее в начале той речи, которую она собралась выдать.

Не дай бог, мой муженек прислал свою любовницу познакомиться со мной поближе, чтобы я, например, передала ей свою мудрость и правила жизни с ним. Если так, я его точно тогда сковородкой прибью. И плевать, что сама погибну от перегрузки в этот момент. Главное только то, что наступит сладкое возмездие.

— Эм… — Раиса на секунду теряется, хватается за цепочку сумочки, висящую у нее на плече, перебирает звенья, — Лика дала адрес больницы и сказала, в какой вы палате.

Да, твою же мать!

Эта дрянь посмела использовать мою дочь в своих подковерных играх.

— Вы только не ругайте ее! — восклицает Раиса, делая шаг вперед, но уже через мгновение замирает. Видимо, чувствует, что я в любой момент могу вцепиться в ее блондинистые патлы. — Она хотела, чтобы мы с вами начали сначала. Попытались найти общий язы…

— Оставь мою дочь в покое, — цежу.

Не выдерживаю, вскакиваю на ноги. По пути запутываюсь в одеяле. Хорошо хоть не падаю носом в пол, мне кое-как удается выпутаться из импровизированных тисков, устоять на ногах и даже сохранить свое достоинство.

Пока я копошусь, Раиса делает шаг назад. А потом еще.

Хочет оказаться поближе к двери?

Боится, что я что-нибудь ей сделаю?

Что ж. Правильно. Потому что у меня очень чешутся руки повыдирать ее блондинистые патлы.

— Послушайте, — никак не угомонится любовница моего мужа. Видимо, все-таки яйца у нее стальные — я, скорее всего, выгляжу сейчас как фурия, которая в любой момент готовится к тому, чтобы расправиться с ненужной соперницей. Вот только мой вид девушку не останавливает.

Она лишь сильнее вцепляется в цепочку сумочки, прежде чем выпалить на одном дыхании: — Я, правда, пришла с миром. Хотела убедиться, что с вами все в порядке. А еще… — тяжело сглатывает, — извиниться. Я немного растерялась в квартире. И только после того, как вас увезли в больницу, поняла, что вела себя как настоящая стерва, — делает страдальческое выражение лица, будто действительно сожалеет о своем поступке. Вот только Раисе не везет — я не верю ей ни на грош, что и пытаюсь донести до девушки всем своим видом. Вот только мое каменное выражение лица совсем не трогает любовницу мужа, и она решает меня добить: — Я правда не хотела, чтобы с вами что-то случилось. Знаю же, что Юра вас любит. Видела, как он переживал, когда вы потеряли сознание. Хотите верьте, хотите нет, но причинять ему боль не входит в мои планы. Уверена, вы меня понимаете. Ведь любите его так же сильно, как я. Правда?

Глава 11

Чувствую себя рыбой, выброшенной на берег. Все, что могу, — открывать и закрывать рот, не в силах что-либо сказать. Я настолько в шоке от напускной наивности девки, которую притащил в нашу семью муж, что не знаю, как на все реагировать.

Такое чувство, будто меня пытались обезоружить, и сопернице удалось добиться задуманного, потому что такой растерянной я давно себя не испытывала. Но на достигнутом она явно останавливаться не собирается. Раиса собирается с силами и делает шаг ко мне.

— Вы, наверное, меня вряд ли сейчас услышите, — как-то совсем обреченно вздыхает. — Вижу по вашим глазам, что довольно сильно вас вчера задела, — печально улыбается. — Я не хотела, правда-правда. Но надеюсь, что мы в будущем сможем найти общий язык, все-таки у нас с вами есть кое-что общее… общий мужчина, — усмехается на последних словах.

Меня подкидывает.

Делаю глубокий вдох, собираясь сообщить девушке, куда она может валить вместе с этим мужчиной, но прохладный воздух за долю секунды успевает охладить разгоряченный разум, и я начинаю более-менее соображать.

Всего мгновение раздумываю над своим следующим ша-

гом, после чего подозрительно сужаю глаза.

— И как давно Юра общий? — решаю сыграть в «дурочку», всеми силами стараясь держать себя в руках. Даже ногтями в ладони впиваюсь, не давая себе сорваться с места. Нужно держаться. Мало ли какая информация понадобится Насте для того, чтобы помочь мне развестись с мужем. Вдруг я смогу выведать у этой ушлой девицы что-то важное.

Именно так я пытаюсь объяснить важность происходящего своему нутру, которое буквально требует расправы.

Не знаю, что отражается на моем лице, но я только больше напрягаюсь, когда Раиса блаженно улыбается. Может, она думает, что я иду у нее на поводу и «приняла» ее? Что ж. Это точно к лучшему. И плевать, что все внутри сопротивляется, кричит, чтобы я гнала девушку в зашей.

— Ой, на самом деле, мы с Юрой не так давно сошлись, — уж слишком радостно отвечает девушка. — На самом деле, мы изначально сопротивлялись нашим чувствам. Я была просто репетитором вашей дочери, а он ее отцом. Мы пару раз встречались в школе по поводу учебы Лики. Вы же знаете, что у нее проблемы с математикой? — выгибает бровь. Мне кажется, или эта девушка пытается поймать меня на том, что я чего-то не знаю о жизни собственной дочери? Стискиваю челюсти чуть ли не до скрипа, пытаясь подавить желание поставить эту дрянь на место. После чего киваю. Натянутая улыбка появляется на лице у Раисы: — Хорошо. Так вот, я довольно долго помогала Лике. Мы с ней добились

поразительных успехов, она начала получать высокие отметки по предмету, что и отметил Юрий, когда посещал школу. А потом я узнала, что Лику обижают одноклассницы…

Вот теперь девке удается выбить меня из колеи.

— Что?! — потрясенно выдыхаю.

Уголки ее губ приподнимаются перед тем, как на лице Раисы появляется страдальческое выражение.

— Да, к сожалению, Лику буллили девочки из ее класса, — тяжело вздыхает. Пару секунд вглядывается в мое лицо. Не сомневаюсь, видит, что я белею, потому что последний факт из жизни дочери оставался от меня скрыт, поэтому быстро выпаливает: — Вы не волнуйтесь так, не хватало еще, чтобы у вас снова прихватило сердце. Тем более, больше переживать не о чем, я помогла Лике. Научила не обращать внимания на критику, видеть слабые места соперника и «бить» в ответ точно в цель. Наверное, я стану хорошей матерью, — «для нее» повисает в воздухе. — Вы так не считаете?

Глава 12

Весь мой план «выведать побольше информации у любовницы мужа» летит коту под хвост. Плевать на все. Все равно Юра ничего не сможет сделать, чтобы удержать меня рядом. Я уйду от него в любом случае, а он… пусть будет счастлив со своей Раисой. Ну или не счастлив, если судить по наглости девушки.

— Ты меня не поняла, — сжимаю кулаки изо всех сил. — Держись подальше от моих детей, — шиплю, надвигаясь на любовницу мужа.

Как же меня все достало. Я точно больше не собираюсь терпеть ее выходки.

— Ой, вы не так поняли, — Раиса выставляет руки ладонями вперед в жесте «не бейте, я сдаюсь». Но с места не сдвигается, даже когда я останавливаюсь в шаге от нее. Девка моего мужа смотрит на меня так, словно я какая-то дурочка и не понимаю, чего именно она добивается. Вот только она ошибается. Я прекрасно понимаю, в чем заключается ее план. И, к сожалению, он срабатывает. Не просто же так мое тело чуть ли пульсирует. Ощущаю стук сердца в висках, на шее, в кончиках пальцев, даже несмотря на то, что они

прижаты к ладоням. А еще не сомневаюсь, что сейчас побелела словно один из трупов, находящихся в морге парочкой этажей ниже. Да и Раиса не может не видеть, что я нахожусь в полуобморочном состоянии. Жаль, что это никак не облагоразумивает девушку. Она решает придерживаться своего плана, несмотря ни на что.

— Я не собираюсь вас заменять. Знаю же, что у Лики и второй вашей малышки уже есть мама. И всегда будет. Другая им точно не нужна. Они в любом случае вас никто не забудут. Никогда и несмотря ни на что. Мама всегда одна. Поверьте, я знаю, — тяжело вздыхает. — Но… у нас же с Юрой когда-нибудь тоже будут дети…

Договорить ей не даю.

Со всего размаху, на который я сейчас только способна, влепляю наглой девке пощечину. Ее звон отражается от пустых стен палаты. Разносится повсюду.

Ладонь начинает жутко жечь.

Сердце бешено бьется в груди. Колотится так, словно вот-вот выпрыгнет. Я понимаю, что это значит, но не останавливаюсь. Часто прерывисто дышу, когда хватаю Раису под руку… под ту самую руку, которой она держится за повре-

жденную щеку, и смотрит на меня как на врага народа.

«А чего ты ждала? Что я буду просто так слушать о том, какую жизнь ты планируешь построить с моим мужем? Не дождешься», — все это проносится в голове, но я ничего не говорю вслух. Не могу потратить остатки сил, которых с каждой секундой становится все меньше и меньше, на то, чтобы что-то объяснять непонятно кем возомнившей себя прошмандовке. Приступ набирает обороты, ноги слабеют, меня трясет. На грудную клетку словно огромный валун положили, так сильно ее сдавливает. Дышать становится все труднее. Но у меня кое-как получается переставлять ноги, хотя немного шаркающе.

Не понимаю, каким чудом добираюсь до выхода из палаты, при этом тащу за собой любовницу мужа и даже дверь открываю. Хватаю ртом воздух, собираю в себе остатки сил и выталкиваю девку в коридор. Сердце продолжает заходиться в бешеном ритме, когда Раиса крутится на пятках и смотрит на меня так, словно я бездомного котенка обидела.

— За что вы так со мной? — на ее щеке красуется красный след от моей ладони. — Я же с благими намерениями к вам приш… — последнее слово тонет в захлопнутой перед ее носом двери.

Миг стою на своих ногах, и больничный линолеум леденит босые ступни, а в следующий — прислоняюсь спиной к стене. Сползаю по ней.

Сердце рвется сквозь ребра. Раз-два-три — никаких пауз, только сплошная пулеметная очередь под тонкой кожей. Вжимаюсь в стену, ищу опору, но меня начинает косить в сторону. Чувствую, что соскальзываю на пол…

«Господи, пожалуйста… дай мне чуть-чуть продержаться. Не знаю зачем… не знаю, почему… но дай, пожалуйста…» — молю беззвучно.

Пытаюсь вздохнуть, но воздух не проходит. Грудь сжата стальными обручами. Я пробую крикнуть — выходит только хриплый выдох.

Сердце бьется в горле, в висках, даже в глазных яблоках. Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Боль. Нужна боль. Может, она остановит…

Не останавливает.

Дверь в шаге от меня. Нужно попробовать подняться и выйти. Но там она… та, которая разрушила мою жизнь… та, которая довела меня до этого состояния. Не хочу показывать

ей, что она достигла цели. Не хочу, чтобы она знала, что у нее все получилось. Только моя жизнь дороже, чем гордость. И именно это оказывается решающим фактором. Упираюсь ладонью в пол, чуть приподнимаюсь и… падаю обратно. Сил не хватает.

Я уже готова разрыдаться от бессилия, когда дверь распахивается.

Только не она! Только не снова.

Поднимаю голову, перед глазами плывет, но я вижу… Настю.

Хрипло выдыхаю.

— Что с тобой? — подруга падает передо мной на колени. Бегло осматривает меня и приказывает: — Держись, — подскакивает на ноги, — Врача, — кричит, выглядывая в коридор.

Это последнее, что я слышу в стуке сердца, который заполняет все внутри меня.

«Держись», — мысленно хватаюсь за приказ подруги и прокручиваю его в голове.

Только держись…

Глава 13

— Ну и что мне с вами делать, Аврора Васильевна? — тяжело вздыхает Антон Викторович, второй раз за несколько дней, возвращая меня чуть ли не с того света.

Да, я утрирую. Все не так плохо. Если, конечно, можно считать за «не так плохо» то, что я провожу в больнице почти все свое время. Мне никак не могут подобрать лечение, которое бы купировало мои приступы. И вот сегодня я пережила очередной, который вроде бы не должен был повториться.

— Я не знаю, — хочется отвернуться, не видеть глаза мужчины, который смотрит на меня одновременно с сочувствием и обвинением.

Я разбита, уничтожена. Моя жизнь превратилась в самый настоящий ад, в котором нет ни одного светлого пятна. Кажется, ее затянула тьма, которая засасывает меня все глубже и глубже.

— Вот и я не знаю, — пожимает плечами доктор. — Что сегодня произошло? — он упирается ладонями в деревянное изножье кровати и смотрит на меня слишком уж пронзительно.

— Я… перенервничала, — рассказывать совершенно незнакомому человеку, даже если он мой лечащий врач, что именно из-за любовницы моего мужа случился очередной

приступ, нет никакого желания.

Достаточно уже того, что мне пришлось вкратце поведать занимательную историю Насте, которая подоспела вовремя и позвала медперсонал.

Конечно, подруге потом нужно было уехать, именно поэтому она и вернулась в палату, собираясь сообщить, что ее срочно вызывают. Но она обещала вернуться завтра, чтобы все обсудить. И сказала, если что звонить.

Второго такого унижения я не выдержу.

— Ясно, — тяжело вздыхает Антон Викторович, после чего отталкивается от изножья и подходит ко мне. — Скажите мне на милость, что мы можем сделать, чтобы вы не нервничали хотя бы в больнице.

«Не пускать ко мне мужа и его любовницу», — едва не вырывается из меня, но я прикусываю язык.

Вот только и не воспользоваться сложившейся ситуацией не могу. Поэтому, преодолевая себя, спрашиваю:

— Можете меня перевести в другое кардиологическое отделение и чтобы об этом никто не знал?

Кровь приливает к щекам. Они буквально полыхают. И только сильнее начинают гореть, когда мужчина сужает глаза.

— У вас проблемы? — произносит он уж слишком проникновенно.

— Если я скажу да, вы спросите какие? — прохожусь языком по пересохшим губам.

— Конечно, — как ни в чем не бывало отвечает доктор, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я же чувствую полнейшее разочарование.

— Тогда нет, у меня нет проблем, — последнее, чего мне хочется, это подставлять врача.

— Но вы все равно хотите «переехать» в другое отделение, — давит на меня Антон Викторович.

— Да, — хотя не уверена, что это поможет.

Уж слишком сильно влияние моего мужа на эту больницу. Если он захочет узнать, где я нахожусь, то у него это выйдет на раз-два.

— Хорошо, — как-то слишком просто соглашается врач. У меня даже брови взлетают. — Если это хотя бы немного поможет вам не нервничать, — правильно интерпретирует мое изумление доктор.

А я делаю в голове пометку, что нужно будет сходить в бухгалтерию и перезаключить договор. Да, придется залезть в свои сбережения, но, может, это хоть ненадолго задержит Юру. Все-таки должна существовать какая-никакая медицинская тайна. Хотя это, наверное, из другой области. Неважно. Попробовать стоит. Ведь Настя права: зависеть сейчас от Юры — это последнее, что мне сейчас нужно.

— Спасибо, — благодарно улыбаюсь доктору.

— Рано вы меня благодарите, — как-то напряженно произносит он, заставляя меня напрячься до предела. — У меня для вас не очень хорошие новости. Нам с вами придется

сделать операцию.

Глава 14

— Что? — кровь отливает от моего лица. Кажется, будто мою голову в сугроб окунули. Щеки становятся не только холодными, но и покалывают. Да и меня саму прилично так потряхивает. Мысли путаются, но у меня все равно получается вычленить из сумбура главное:

— Вы же говорили, что мы можем обойтись просто лекарствами, — пытаюсь сглотнуть ком, который настолько сильно распирает горло, что едва не разрывает его.

— Как вы видите, антиаритмики плохо помогают, — старается спокойно объяснять мне доктор, скорее всего, не хочет меня лишний раз волновать. Но у него ничего не выходит. Я буквально оголенный нерв начинаю напоминать. Дыхание учащается. Благо, сердце бьется ровно. Скорее всего, дело в блокаторах, которые пришлось принять несколько минут назад. Они держат мое сердцебиение в нормальном ритме, но мысли немного путаются. Да и спать жутко хочется. Хотя, возможно, здесь дело как раз в стрессе, который довелось пережить. У меня на него всегда одинаковая реакция — уснуть. Вот только сейчас поддаться внутреннему порыву я не могу. Сначала нужно выслушать врача, который дает мне несколько секунд на то, чтобы я переварила услышанное, прежде чем добавить:

— Аврора Васильевна, у вас случился второй приступ за

два дня. Даже с учетом стресса — это ненормально. Не говоря уж о том, что и раньше ваше сердце слишком часто сбоило, — чуть склоняет голову набок. Пытается убедиться, что я внимаю его словам? Внимаю, еще как внимаю. Даже дыхание задерживаю, боясь либо что-то упустить, либо поверить, что все происходящее — правда. — Ваше сердце может, в итоге, не выдержать таких нагрузок, — выносит свой вердикт врач.

Если бы мое сердце могло, оно бы сейчас пропустило удар. Но его ритм остается прежним, что хорошо. Жаль, при этом чувствовать себя нормально у меня не получается.

Зажмуриваюсь.

— Вы сейчас имеете в виду пересадку или… — голос меня подводит, пропадает в самый неподходящий момент.

— Я предлагаю сначала попробовать что-то менее кардинальное, — довольно мягко отвечает доктор. Он пытается меня успокоить, да? Похоже. — Сначала давайте попробуем сделать РЧА. Помните, мы с вами говорили о ней? — сужает глаза. Киваю. На большее точно не способна. — Так вот, при вашем диагнозе она помогает в девяноста процентах случаев. А вот если и это не поможет, то будем уже думать о чем-то более… стоящем. — Как вам такой план? — участие… да, именно его я слышу в голосе доктора.

Вот только оно никак не сглаживает тот страх, который буквально пропитал мои внутренности и сжирает меня изнутри.

— А если я откажусь от операции, тогда…? — договорить

мне не удается.

— Вы хотите сказать, сколько вы проживете? — верно понимает доктор.

— Да, — выдыхаю.

— Может быть, десятилетия. А может… — он делает драматическую паузу, — следующий приступ станет для вас фатальным, — забивает последний гвоздь в крышку моего гроба. — Но, судя по результатам последних анализов, я могу сделать прогноз — вам осталось год, два, не больше, если ничего не предпринимать.

Прикусываю щеку.

— Сколько времени у меня есть до… операции? — меня трясет, сильно. Но я все равно продолжаю смотреть в глаза врачу, чтобы убедиться, что мой заполненный паникой мозг ничего не придумал.

— Неделя, максимум, — добивает меня доктор.

Глава 15

У меня нет другого выбора, кроме как «согласиться».

Антон Викторович говорит, что операция почти полностью безопасна, что осложнения бывают редко, что я «в надежных руках». Но я не могу полностью ему довериться. Как бы ни пробовала, не получается. Ведь у меня есть основания для сомнений.

Я прекрасно помню, как точно так же, спокойным, почти безразличным голосом, хирург говорил маме: «Не волнуйтесь, это рутинная процедура». А потом был бесконечный коридор, холодные пластиковые кресла, и мама, сидящая с пустым взглядом, сжавшая мою руку так, что кости хрустели. Отец не проснулся. Его сердце просто... остановилось. А я даже не знала, что он болел.

Зато после случившегося стало понятно, почему папа так оберегал меня и не хотел, чтобы я поступала на журфак.

«Там слишком много стресса, дочка. Тебе он не нужен, поверь мне», — повторял папа раз за разом, а я не понимала, почему он не хочет, чтобы я жила полной жизнью.

Тем более становиться учителем литературы, как он, я не собиралась.

Только после его трагической гибели стало понятно, что было не так. А я даже не знала о его болезни и попрощаться не успела…

Теперь же настала моя очередь пройти через то, что и папа.

Я лежу в палате, слушаю, как монитор мерно пикает, отсчитывая удары моего ненадежного сердца, и думаю: а что, если в следующий раз оно просто... замолчит? Как у папы. Без предупреждения. Без шанса что-то изменить. Без возможности сказать дочерям, как сильно я их люблю. Лике, которая в свои шестнадцать уже понимает больше, чем должна, которая сжимает губы, когда я кашляю, и делает вид, что не замечает моих дрожащих рук. И Олечке, моей малышке, которая еще верит, что мама «просто устала»... что скоро все будет хорошо. Ей всего десять. Она даже не помнит, какой я была до болезни. До того, как после ее рождения мое сердце начало сдавать окончательно.

А Юра... Боже, Юра. Его слова: «А что я должен был делать? Ждать, пока ты умрешь, а я останусь один с детьми?» — произнесенные так спокойно, так буднично, до сих пор стоят у меня в ушах. Складывается впечатление, что я мешаю собственному мужу. Как будто я уже умерла. Как будто я — обуза, которая мешает ему жить. Как будто те двадцать лет, что мы были вместе, ничего не значат.

Настя говорит, что нас в любом случае разведут. Но я все равно переживаю. Что если я не доживу до суда? Что если муж попытается меня остановить или хуже… забрать детей? Он же уже считает меня полумертвой.

И эта его... девка, которая посмела припереться ко мне в

больницу. Уверена, она хотела убедиться, что мне осталось недолго… примеряла мою жизнь на себя. Я не жалею, что ударила ее и вытолкала. Единственное, о чем жалею, — что не смогла остановить свое сердце от очередной гонки, которую ему довелось пережить.

Может, если бы не очередной приступ, у меня получилось бы обойтись без операции. А так…

А что, если операция пройдет не так, как планирует врач?

Нет, я не могу об этом думать. Но как не думать, когда каждый день — это боль, каждый вдох дается с трудом, а в голове только одно: «А вдруг завтра не проснусь?»

Я боюсь. Боюсь так, что мне хочется кричать. Боюсь темноты по ночам, потому что кажется, что если засну, то больше не открою глаза. Боюсь оставлять девочек одних, даже на час, но приходится торчать постоянно в больнице.

Но больше всего боюсь, что мне не хватит сил. Что страх парализует меня, и я откажусь от операции. А потом — еще один приступ. И еще. И, в конце концов...

Нет. Нет, я не могу так. Не имею права. Потому что если сдамся, то кто будет обнимать моих девочек, когда им страшно? Кто будет шептать Оле на ночь, что монстров не существует? Кто объяснит Лике, что не все мужчины — как ее отец? Кто защитит их от этого мира?

Раиса?

Ни за что!

Значит... надо ложиться под нож. Надо верить, что я силь-

нее, чем мои гены. Что я переживу это. Что я обязана пережить. Ради них. Ради себя. Ради того, чтобы однажды посмотреть Юре в глаза и сказать: «Ты проиграл. Я выжила. А ты — просто трус».

Глубоко вздыхаю. Рука непроизвольно тянется к груди, где под кожей бьется слабое, израненное сердце.

«Господи, только бы мне хватило времени…»

***

Девочки, на мою книгу “Предатель. Ты сделал мне больно” сегодня действует скидка! Если вы вдруг не читали, заглядывайте обязательно https://litnet.com/shrt/lMVh

Глава 16

— Я тоже люблю тебя, — вторит мне Оля. — Мам, когда мы увидимся? — ее расстроенный голос режет меня чуть ли не наживую.

Мое и без того хлипкое сердце пропускает удар. Слезы, которые я все это время сдерживала, катятся по щекам. Горло стискивает будто тисками, и мне приходится судорожно вздохнуть, чтобы не разреветься в голос.

— Скоро, — пытаюсь улыбнуться, чтобы придать голосу уверенности, но ничего путного из этого не выходит. — А где Лика? — перевожу тему.

— Она с бабушкой пельмени лепит, — воодушевленно произносит моя младшая дочь, которая обожает возиться на кухне. Старшей готовка не приносит особого удовольствия, но она все равно поддерживает любые совместные занятия. Хорошая девочка. — Я тоже с ними лепила, пока ты не позвонила, — в словах Оли нет обвинения, просто констатация факта.

У меня перед глазами вспыхивает картинка, как девочки с моей матерью толкаются на маленькой кухоньке, засыпанной чуть ли не полностью мукой. Уже настоящая улыбка трогает губы, но тут же пропадает, когда меня бьет осознание:

— Подожди, вы эту неделю что ли у бабушки живете? — горло еще сильно сдавливает, но я все еще могу говорить, и

это радует.

— Ну да, папа в последнее время слишком сильно занят, поэтому решил, что мы у бабушки поживем, — как ни в чем не бывало заявляет Оля, а я чувствую, словно мне в сердце выстрелили… в очередной раз.

«Занят» — пульсирует в голове.

Интересно, чем же таким занят Юра, что за собственными детьми не может присмотреть? Неужели не может насытиться своей любовницей? От этой мысли меня начинает мутить. Сердцебиение разгоняется. И мне приходится сделать глубокий вдох, чтобы его более-менее начать контролировать. Не очень хорошо получается, ну да ладно. Похоже, о Юре мне лучше не думать сейчас вовсе. Тем более, Настя должна была уже подать документы на развод. Скоро нас с мужем ничего связывать не будет. Совсем ничего… Пусть он развлекается, с кем хочет и когда хочет. Меня это не должно волновать. Правда же?

— Дашь мне Лику? — перевожу тему.

Меня немного потряхивает… хотя вру… колотит и прилично.

Бросаю взгляд на часы, висящие на стенке, и понимаю, что осталось мало времени.

— Ли-и-ик! — крик Оли заставляет меня отнять телефон от уха, пока я не заработала себе еще проблемы со слухом. — Мама тебя зовет! — добавляет чуть глуше.

Не проходит много времени, прежде чем в трубке я слышу

запыхавшийся голос своей старшей дочери:

— Привет, мам.

— Привет, — горло сдавливает. — Я просто хотела спросить, как у тебя дела и сказать… — тяжело сглатываю, — что люблю тебя.

Мгновение на том конце вызова звенит тишина, а потом раздается подозрительный голос Лики:

— Мам, что-то случилось?

Дочка всегда была проницательной, но пугать ее — последнее, что хочу.

— Нет, ничего, — натягиваю на себя улыбку в надежде, что тон моего голоса меняется. — Просто хотела, чтобы ты знала, — кусаю губу, взор прилично так размывается.

Лика молчит. Я тоже. Боюсь, что если заговорю, то шмыгну носом и весь мой план полетит к черту.

— Я знаю и тоже тебя люблю, — настороженно отвечает дочь. — Точно все в порядке?

— Конечно, — выдыхаю я. — Не переживай. Разве со мной может что-то случиться? — прохожусь языком по пересохшим губам.

— Давай я приеду, — Лика явно не верит мне или что-то чувствует.

Вот только я не могу допустить, чтобы дочка увидела меня в том состоянии, в котором нахожусь сейчас. Кажется, еще немного и я умру от страха. И совсем не хочу, чтобы Лика запомнила меня такой. Пусть помнит мамочку сильной,

которая борется за жизнь всеми способами. Тем более, как обещал доктор, со мной должно быть все в порядке. Это же рядовая процедура.

— Не надо, — произношу быстрее, чем хотелось бы. — Правда, все отлично. Просто… — резкими движениями стираю влажные дорожки со щек, — я немного устала от больницы, — эта правда, но не вся.

И похоже, Лику такой ответ вполне устраивает.

— Давай тогда мы с Олей завтра приедем, — дочка предлагает более подходящий мне вариант.

— Да, завтра хорошо, — выдавливаю из себя очередную натянутую улыбку. — Буду тогда вас ждать, — очередной поток слез брызжет из глаз. На этот раз не пытаюсь их стереть. — А еще передай… бабушке спасибо за то, что она присматривает за вами, пока папа… занят, — зажмуриваюсь.

Но тут же распахиваю веки, когда до меня доносится знакомый голос медсестры:

— Вы готовы?

— Мам, точно все хорошо? — не унимается Лика.

— Конечно, — выпаливаю. — Ладно, мне пора. Берегите с сестрой друг друга, — не выдерживаю и даю свое материнское наставление.

— Мам…

— Люблю вас, мои девочки. И не переживайте, со мной все будет хорошо, я вам это обещаю, — произношу так уверенно, как только могу. — Ладно, мне пора на… процеду-

ры. Завтра вас жду, — выдаю и сбрасываю вызов, страшась, что сейчас разрыдаюсь. Вдох. Выдох. Поднимаю размытый взгляд на медсестру, которая пришла подготовить меня к предстоящей операции, и твердо говорю: — Я готова.

***

Девочки, а вы видели? У меня сегодня действует *скидка на книгу "Развод. Исправить ошибку".* Заглядывайте, если вы вдруг не читали https://litnet.com/shrt/l7uG

Глава 17

Иду. Шаг за шагом. Бесконечные больничные коридоры кажутся такими холодными... Почему везде пахнет антисептиком? Этот запах въелся мне в кожу за последние месяцы. Медсестра катит капельницу рядом — слышу, как колесико поскрипывает. Женщина что-то бодро говорит, но я не слышу слов. В ушах только стук собственного сердца — неровный, с перебоями. Такой знакомый, такой... предательский.

Боже, как же страшно. Ноги ватные, кажется, вот-вот подкосятся. Хочется развернуться и бежать. Просто бежать без оглядки — к детям, к солнцу, к жизни. Но я иду. Потому что если не сейчас — то когда? Если не я — то кто объяснит Оле, что такое первая любовь? Кто встретит Лику после выпускного? Кто защитит их от этого мира, который так легко ломает слабых?

Впереди двери операционного блока. Такие массивные, стальные. Как в холодильнике... Нет, не думай об этом. Не думай о папе. О том, как мама потом месяц не могла заходить на кухню, потому что там стоял холодильник с таким же мертвым металлическим блеском...

Папа…

Я знаю, что поступаю как отец, который не дал мне с ним попрощаться.

Прекрасно понимаю, что девочки заслуживают того, что-

бы знать, что их маму сегодня ждет сложный день, но я просто не смогла. Не смогла попросить их приехать. Не смогла позволить увидеть мой страх и заодно напугать их.

Оправдываю я себя банально — ничего страшного не должно случиться. Это же просто рядовая операция. Но… Всегда есть это «но», которое не дает покоя. Я же отлично понимаю, что при операции на сердце всегда есть риск и немалый. Наверное, поэтому и не могу избавиться от чувства вины. Оно пожирает меня изнутри. Лица девочек стоят перед глазами. Ведь я не только им не дала меня увидеть, но и себе не позволила заглянуть в глазки дочек. Возможно, в последний раз.

В грудь словно кинжал втыкают, когда это осознание вспыхивает в голове.

Не знаю, о чем, черт побери, думала. Нужно было попросить девочек приехать. Нужно было им все рассказать. Нужно было обнять их. Нужно…

— Рора, — грозный голос за спиной заставляет меня споткнуться.

Если бы не медсестра, которая придержала меня за локоть, я точно бы пропахала носом пол.

Мне же не показалось? Нет?

Судя по быстрым тяжелым шагам за спиной, не показалось.

Что он здесь делает? Как узнал?

У меня появляется возможность задать эти вопросы Юре

прямо в лицо, когда он вырастает передо мной. Вот только я молчу. Смотрю в голубые глаза мужа и молчу. Столько всего вертится в голове, но я молчу.

Медсестра даже не пытается вмешиваться в наше противостояние взглядами. Не знаю, чувствует ли она что-то или просто решила дать нам время. Чем бы она ни руководствовалась, в любом случае она сделала все зря. Чем дольше я смотрю на Юру, тем сильнее мое сердце начинает болеть. И кажется, то, что оно совсем истрепалось, совсем здесь не при чем. Только сейчас понимаю, как сильно меня ранило предательство мужа. Он же сделал самое худшее, что мог в нашей ситуации, — оставил меня одну бороться за жизнь. Юра сдался. Мой собственный муж не верит, что я смогу выкарабкаться, поэтому и нашел себе другую. Его измена ничто по сравнению с тем, что он больше не хочет бороться за мою жизнь… ничто по сравнению с тем, что из-за него моя вера в собственное выздоровление пошатнулась.

— Как ты здесь оказался? — голос подводит, хрипит. Горло слишком сильно сдавливает.

— Лика позвонила в панике. Она догадалась, что ты что-то скрываешь, — Юра вглядывается в мои глаза так пристально, словно хочет запомнить их навсегда. — Я не знал, что тебя перевели в другое отделение. Пришлось побегать, чтобы найти. Если бы не это, был бы здесь раньше.

Он же не обвиняет меня в том, что я «спряталась» от него? Вроде бы ничего такого в его голосе я не слышу, но муж все-

гда умел хорошо скрывать свои эмоции.

— Не нужно было приезжать, — пытаюсь закрыть свои чувства за семью замками, иначе разрыдаюсь прямо здесь.

— Рора… — предупреждающе рычит Юра.

— Я с тобой развожусь, — твердо заявляю, надеясь вдолбить в голову мужу, что его появление в больнице ничего для меня не значит.

Он недовольно щурится.

— Мы с тобой поговорим об этом после операции, — цедит.

— Нет, не поговорим, — парирую я. — Ты еще не понял? Я сейчас войду в ту дверь, — указываю на металлическое полотно за спиной мужа, — и на этом все. Выйду я оттуда или нет, между нами все кончено. Ты мне больше не нужен. Прощай.

Не дожидаясь ответа от Юры, отталкиваюсь от пола и огибаю мужа. Медсестра, которая наблюдала за нашей перепалкой, успевает спохватиться и открыть передо мной дверь.

Вот только я успеваю лишь переступить через порог оперблока, как мне в спину прилетает:

— Если ты думаешь, что я просто так тебя отпущу, ошибаешься. Ты моя Рора, и просто так тебе от меня не отделаешься. Если, конечно, не собираешься на тот свет. В противном случае, когда проснешься, я буду ждать тебя здесь. Скоро увидимся.

Хлопок тяжелой двери отделяет меня от мужа. Его слова

ни на секунду не покидают меня, когда я захожу в операционную… когда ложусь на кушетку… когда анестезиолог просит считать меня от десяти.

Десять... Оля смеется, запрокинув голову… Девять... Лика впервые берет меня за руку как взрослая... Восемь... Мама плачет у холодильника... Семь... Юра на коленях с другой… Шесть… Его любовница смотрит на меня, примеряя на себя мою жизнь... Пять… Врач говорит: «Риски минимальны»... Четыре... Сердце стучит: «Жить-жить-жить»... Три... «Скоро увидимся». Два… Я должна продолжить жить… дышать, чтобы увидеть, как Юра корчится в раскаянии за то, что перестал верить в меня… бороться за меня.

Один…

Темнота.

Глава 18

Темнота. Именно она меня окружает. Густая, вязкая, как смола. Я пытаюсь открыть глаза, но веки будто налиты свинцом. Где-то далеко звучит монотонный писк аппаратуры. Знакомый звук. Значит, я жива?

Свет постепенно пробивается сквозь опущенные ресницы. Медленно, прикладывая невероятные усилия, разлепляю веки. Перед глазами плывет. Приходится несколько раз моргнуть, чтобы начать… видеть.

Белый потоло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.